

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В ДИАЛОГЕ I: НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Г.Е. Крейдлин (РГГУ, Москва)

Люди верят в половые различия ("два пола – две культуры"). Как озаглавлен один из бестселлеров, изданных Дж. Грэй (J. Gray) в Нью-Йорке в 1992 г., много места в котором занимает общение мужчин и женщин, "Men are from Mars, Women are from Venus". Однако коммуникативно значимые проявления этих различий внутри одной культуры плохо изучены, а их семантика и прагматика по большей части остаются необъясненными. Так, известная американская лингвистка и борец за права женщин Р. Лаков в своей книге "Language and Woman's Place", описывая коммуникативное поведение одних только жительниц Северной Америки, уверенно заявляет о неэффективности речевого стиля женщин вообще как чрезмерно вежливого (polite), нерешительного (hesitant) и почтительного (deferent). Подобными мало законными обобщениями о коммуникативном поведении людей, к сожалению, заполнены исследования лингвистов, психологов и социологов.

Наряду с такими параметрами, как культура, национальность, раса, возраст, общественное положение, физическое и психическое состояния собеседников, отношения их друг к другу, которые во многом определяют характер течения диалога, важную роль в коммуникации играют также гендер и гендерные роли. Под гендером принято понимать социально и культурно нагруженный пол, а гендерные роли – это общественные или культурные ожидания о коммуникативном поведении полов и способы, которыми эти обещания реализуются в вербальном и невербальном семиотическом взаимодействии. Ниже я собираюсь обсудить некоторые особенности гендерного речевого поведения людей в его соотношении с речевым поведением в ситуации устного диалогического общения.

Существует много работ по анализу гендерных стереотипов и отношений к ним у разных народов, но невербальные коммуникативные стереотипы в разных культурах как отдельные системно еще не описывались. Вот, к примеру, одна из дилемм исследователя гендерного аспекта невербального поведения. Есть (хотя и отличающиеся по культурам) данные, что мужчины больше физически касаются женщин, чем наоборот. Но чем это вызвано: различиями в общественных статусах и ролях, как это считают, или, может быть, просто женщины любят, чтобы их больше трогали? Женская сдержанность и мужская несдержанность в касаниях может отражать биологическую потребность к аккомодации, то есть приспособлению к общественным, культурными и коммуникативным нормам поведения, а не, скажем, подчиненное положение женщины и доминантное положение мужчины.

Среди сложившихся на сегодняшний день гендерных коммуникативных стереотипов отмечу следующие:

(а) большая, чем у мужчины, коммуникативная чувствительность женщины. Из-за почти повсеместной ответственности женщин за свой дом, за рождение и выращивание детей от них ожидается большая социализация, коммуникативная направленность на говорящего и предмет разговора, соблюдение этикетных норм и воспитанность; (б) большее внимание к психологическим моментам ситуации у женщин, а к когнитивным – у мужчин. В частности, экспрессия в коммуникативном поведении женщины больше: она чаще, чем мужчина, плачет, срывается на крик, но она также чаще и громче смеется; (в) преобладание интуиции у женщин и рациональности у мужчин, ср. "men are cognitive and analytical while women are emotional and non-analytical". Отмечу сразу, что, хотя идея о преобладании интуиции у женщин часто имеет пейоративные коннотации, их интуиция основана на экспериментально хорошо подтвержденной большей скорости и точности при декодировании некоторых невербальных ключей адресата; (г) женщины более внимательны, чем мужчины, к мимическому диалогическому поведению и знаковым телодвижениям, но их преимущество в дешифровке жестов не столь заметно и еще менее – в голосовых и тональных ключах. Хотя эксперименты, проведенные в ряде стран (порядка десятка) показывают, что это так, неизвестно, почему это так, – предлагаемые объяснения этого расхождения сами либо не подтверждаются эмпирически, либо не убедительны с теоретической точки зрения; (д) инструментальная сфера, самоутверждение, нацеленность на выполнение социальных задач (для мужчин) vs. социозэмоциональная сфера (для женщин); (е) коммуникативный настрой женщины в большей мере социальный и в меньшей степени

индивидуальный. Возможно, такое стереотипное представление связано с более низким социальным статусом женщины в большинстве районов земного шара, а у более угнетаемых людей любого пола, как известно, обычно выше социальные мотивации, такие как, например, стремление подняться наверх и занять более достойное и материально обеспеченное место в обществе, а отсюда высокая заинтересованность в понимании тонкостей коммуникации. Ведь все это существенно помогает социальной адаптации (ср. поведение секретарш перед начальником, поведение женщин на приемах, светских раутах, презентациях); (ж) меньшая, чем у мужчин, коммуникативная агрессивность женщин. Женщины чаще склонны видеть хорошее в диалогических партнерах, однако мониторинг их собственного поведения другими обычно им не по душе, а потому и в экспериментах, и в реальной жизни они часто, так сказать, "прячутся" (отсюда большая скованность в позах, взглядах); (з) эмпатия. Женщины более чувствительны к невербальным проявлениям, потому что проявляют больше эмпатии с партнерами по коммуникации. Ср. *"Я больше нервничаю, если рядом нервничают"*, *"Я так чувствительна к настроению других, что..."* – эти и аналогичные по характеру суждения скорее женские, чем мужские. Знание того, что и как чувствуют другие, облегчает женщине декодирование невербальных ключей; (и) тематика бесед. У женщин много разговоров о семье, о детях, о болезнях (более выражено внимание к здоровью), о покупках и пр., у мужчин – это беседы о работе, спорте, политике, технике, автомобилях и др. Отсюда тоже проистекают различия в невербальном знаковом поведении; (к) состояние подавленности, угнетенности и депрессии у женщин зарегистрировано как более частое, чем у мужчин. Это, конечно, отражается в телесном и мимическом поведении. Выражение страха, подозрительности и жалобы у женщин ярко представлены в четырнадцати из пятнадцати культур, обследованных в этом отношении. Мужчины чаще жалуются на неприятности на работе, но одновременно у мужчин больше напористости, им присуща более высокая самооценка (assertiveness), они склонны к поиску приключений и смене занятий; (л) женщины менее склонны, чем мужчины, объяснять свои действия на языке способностей, а объясняют их невезением, неудачей;

Есть стереотипные представления и касающиеся диалогов однополых пар. Приведу пример только одного из них: когда взаимодействуют друг с другом мужчины, согласно существующим гендерным ожиданиям, у каждого из них сильная мотивация не потерять контроль, не уступить общественной, ролевой или иной позиции.

Посмотрим теперь, отражается ли этот далеко не исчерпывающий список гендерных стереотипов и если да, то каким образом, в невербальном и вербальном поведении.

Дж. Уильямс и Д. Бест (Уильямс и Бест 1990а, б) изучали некоторые гендерные стереотипы людей в традиционных (таких как, например, Пакистан, Нигерия, где подчеркиваются в первую очередь различия в гендерном поведении) и современных культурах (например, Нидерланды, Финляндия, где акцентируется сходство, а разница минимизируется). Вывод авторов таков: в менее развитых индустриальных и более патриархальных странах, в менее эгалитарных государствах больше различий в определяемых культурой нормах для гендерных ролей и их невербальной реализации и больше неравенство полов. Западные, более эгалитарные и развитые страны, показали у женщин большую депрессию, а в странах с патриархальными укладами – значительную дисперсию по полам в отношениях к работе. Были выявлены (см., например, работу Коста и др. 2001, выполненную на материале устных рассказов людей о себе и своей жизни) четыре категории женщин молодого (студенческого) возраста, отличающиеся характерными особенностями коммуникативного поведения: (1) женщины с осознанно агрессивным поведением, (2) женщины с осознанно покорным поведением (авторы называют эту коммуникативную черту поведения "submissiveness"), (3) женщины, осознанно контролирующие диалог, тактичные и воспитанные и (4) женщины с обычно неосознанным, импульсивным поведением, регулируемым более чувствами, чем мыслями. И стереотипы, которые формулировались прежде как единые для всех женщин, сильно различаются для женщин каждой из групп.

Сегодня уже очевидно, что гораздо правильнее говорить не о половых и гендерных различиях, а о **двух стилях коммуникативного поведения, мужском (маскулинном) и женском (фемининном)**, и соотносить коммуникативные стереотипы не с полами, а с этими стилями (ясно, что у женщин преобладающим является фемининный, а у мужчин – маскулинный тип)¹. 'Маскулинность' и 'фемининность' в этом случае будут признаками, определяющие гендерные роли и действия. Введение понятия невербального стиля привело к тому, что отдельные жесты и целые стили невербального поведения стали оцениваться как (более) женские и, соответственно, (более) мужские, независимо от реального пола их исполнителя. Больше того, для ряда культур были составлены специальные таблицы соответствующих форм и типов мужского и женского поведения, присущих носителям данной культуры (см. Барлоу и др. 1979; Перкинс 1986).

Важным для изучения невербальных гендерных стереотипов является исчисление ситуаций, жанров и типов дискурса в которых они проявляются особенно ярко (реклама, интервью, семейные ссоры, презентации, диспуты, переговоры и под.). В переговорах состязание, если не "война", полов, достигает апогея. Согласно гендерному стереотипу женщины тут более кооперативные и коллаборативные, чем мужчины, а мужчины более уверенные,

¹ По этой причине я часто далее буду говорить просто о поведении женщин и мужчин.

решительные и требовательные. Однако эмпирические **невербальные данные** по переговорам противоречат этому стереотипу. Объяснение мне представляется очевидным: дело не в поле, а в стиле поведения. Такие черты характера, как спокойствие, расчетливость, уверенность, решительность, конструктивность, надежность и интеллигентность, и их проявления в манерах поведения и отдельных жестах благоприятствуют успешным переговорам, напротив, слабость, эмоциональность, умиротворенность, колебание в принятии решений – отрицательные черты. Способность сидеть уверенно за столом переговоров, твердыми жестами иллюстрировать изложение содержания вопроса (см. большое число иллюстративных жестов, аккомпанирующих выражение мысли, правильно расставленные кинетические ударения), смотреть при этом собеседнику в глаза, серьезно, а где нужно, и мягко, с улыбкой, а также разговаривать с собеседником уверенным голосом, проявляя интересом в успешном их завершении, и еще очень многие жестовые реализации намеченных стратегических линий поведения и тактик переговоров (см. об этом Крейдлин 2002а) – это и есть нормативные невербальные проявления деловых и чисто человеческих качеств, способствующих достижению успеха.

Для анализа устного дискурса, как мне кажется, было бы весьма полезным и удобным ввести понятие **угрожающие стереотипы**. Прагматика дискурса, включающая заботу и беспокойство о саморепрезентации, умение отбросить в сторону традиционные негативные и угрожающие диалогу стереотипы или стереотипы, которые мешают достижению цели, выбору общей стратегии, плана и конкретных вербальных и невербальных тактик – залог и необходимое условие коммуникативной удачи дискурса. Укрепить существующий гендерный стереотип или разбить его, использовать стереотип в своих корыстных целях, "добавить" еще стереотипов – это основные модули линий поведения в дискурсе (о других стратегиях дискурса см. подробно в Кибрик 2003).

Известны два крупных типа коммуникативного поведения – поведение, ориентированное на содержание разговора (знание, компетенцию), и поведение, направленное на адресата (доминацию/подчинение). Было показано, что невербальные признаки, передающие первое, обычно не выражают второго, и наоборот. Поведение, считающееся доминантным, обычно оценивается как контролирующее, угрожающее, враждебное, воинственное, вызывающее стресс, а подчиненное, покорное или послушное – как тревожное и боязливое, беспомощное, примирительное, успокаивающее. Свободное и асимметричное поведение коррелирует с доминацией, которая в русском языке тела передается жестами, нарушающими личное пространство (например, направленными на диалогического партнера дейктическими жестами), громким или сердитым голосом, прямым взглядом в глаза или контактом глаз (Крейдлин 2002б), сидячей позой "вперед нагнувшись", напряженным лицом с опущенными бровями. Покорность передается нервными жестами рук (например, сжатыми и трясущимися руками), тихим, дрожащим голосом, тяжело опускающимся на стул телом, глазной контакт слабый, для речи характерны запинки, хезитации. А такие жестовые единицы, как прямая стойка или прямая голова, передают знание и уверенность, но не покорность. Между тем для женского стиля поведения отражающийся в речевых характеристиках высокий уровень компетентности, но при этом сочетающийся с типичными невербальными знаками субординации (например, у женщины с более низким социальным положением в диалоге с начальником) может оказаться недостаточным для успеха в достижении коммуникативной цели. Жизненная практика доказывает, что такое поведение не столь влиятельное, как уверенное мужское, даже при том, что женщина обладает большими знаниями. Ей приходится использовать особые невербальные ключи и особое социальное параязыковое поведение – раскованное положение тела, обычные улыбки, наклоны корпуса в сторону адресата, сравнительно высокий, но не постоянный контакт глаз, ненавязчивые, недокуливые и ненавязчивые жесты. Для женщины, участвующей в деловом общении и желающей извлечь из него максимальную для себя пользу, осознанное и внимательное отношение к невербальному поведению является, по всей видимости, обязательным.

Сегодня уже хорошо известны многие особенности мужской и женской русской речи. В работах группы Е.А. Земской, в частности, в Земская и др. 1990, показано, что женщина обычно говорит, так сказать, "слабым стилем", широко пользуясь вопросами с "не так ли", косвенными формами, оценками (может быть, стоило бы уточнить, что оценки эти чаще всего этические и эстетические) и квалификаторами. Но там же подчеркивается, что между мужской и женской речью резкой, непроходимой границы нет, а есть лишь тенденции употребления, то есть имеются лишь типические черты той или иной речи (я бы сказал, стили речевого и, добавим сюда, невербального поведения). Гендерные различия сложным образом комбинируют с различиями по возрасту, профессии, образованию, месту рождения и жительства, цели коммуникации и др. У женщин образованных, то есть носителей литературного языка, больше фатического контакта, где целью является само общение и сам контакт (отсюда больше регуляторов). Преобладанием фатика, по мнению авторов указанной работы, поддерживается устойчивый миф, что женщины говорят больше, чем мужчины. Можно сюда добавить, что женщины легче переключаются, меняют роли в акте коммуникации, проявляют большую психологическую подвижность и гибкость. Как следствие, для них типично быстрое включение в ход разговора, внезапный переход на обсуждение тем, плохо связанных или вообще не связанных с ситуацией, порождаемой обстановкой речи, частая смена поз, взглядов, более быстрая, чем у мужчин, переход от роли говорящего к роли слушающего и наоборот и другие подобные действия (конечно, речь идет о неофициальных сферах общения). Сказанное накладывает отпечаток на стратегию и тактику речевого и невербального ведения диалога у женщины. Что касается женского речевого поведения, то в указанной статье

Земская и др. 1990 отмечают следующие его признаки: отвлечение на "посторонние" темы, высокая ассоциативность речи, что порождает своеобразие тематического развития акта общения (например, соскальзывание с темы беседы), психологическая настроенность на беседу. У мужчин более выражена погруженность в ход мыслей, внимание к самой теме беседы, им до известной степени присуща психологическая глухота. О специфике ориентации в жизненном пространстве мужчин и женщин свидетельствуют и разные средства экспрессивности, большая эмоциональность речи у женщин (высокая концентрация на участке экспрессивно-эмоциональной лексики и различие в любимых тематических и семантических полях). Типично женские фразы: *Устала как не знаю кто, надоело все как это самое, себя ругаю как не знаю что* (сравнительные конструкции с местоименными словами, основная функция которых – выражение нерасчлененной интенсивной отрицательной оценки). В мужской речи чаще встречается стилистически нейтральная оценочная лексика. Мужчины сдержаннее в выражении отрицательной оценки, но используют "инвертированную" оценку, то есть отрицательно оценочную и бранную лексику для выражения похвалы, восхищения и иной положительной оценки (*Вот, собака <сука, сволочь>, как чешет, Смотри, подлец, что делает*).

Авторы указанной статьи, однако, ничего не говорят о том, как согласуется речевой код мужчин и женщин с невербальным. Между тем, рассказывая, например, содержание какого-либо эпизода фильма, женщины по нашим данным в пропорциональном отношении больше внимания уделяют действиям, а мужчины – словам, то есть вербальному компоненту. Или известен такой эксперимент (Холл 1979, см. также Холл, Халберштадт 1980): две группы (первая – 26 человек, вторая – 23 человека), молодых, уже достаточно взрослых людей, по двум каналам информации, аудио и видео, принимали и одновременно распознавали жесты. Цель эксперимента была измерить способность и точность кодирования мимики, жестов и контекстно-свободных голосовых и тональных элементов. В большинстве случаев одна и та же группа декодировщиков оценивала и мужские и женские жесты. Задание было сообщить о способности к декодированию у женщин и мужчин, заполнив некоторую анкету. Анкета предусматривала распознавание эмоционального, когнитивного и иного значений выражений, оценку таких параметров, как степень дружелюбия, истина или ложь голосового выражения, с хорошим ли чувством посылал сообщения их отправитель, какова природа стимулов, вызвавших ту или иную эмоцию у отправителя. Результат эксперимента был таким: женщины лучше мужчин выражали свои чувства, точнее, их выражения распознавались более точно теми испытуемыми, у которых способ передачи жестовых сообщений считался эталоном, хотя разница в точности распознавания была не слишком велика. В целом женщины больше смотрели на партнера, больше улыбались, получали от мужчин больше взглядов, чем мужчины от женщин. Они держались с адресатами на более коротких дистанциях, но не предпринимали попыток вторгнуться в их личную сферу, старались следить за своими позами и телодвижениями, предпочитая менее широкие, более сложные и более осознанные движения и жесты, чем мужчины. Наконец, женщины меньше делали речевых и параречевых ошибок, а речевые паузы у них чаще заполнялись вокальными и жестовыми элементами.

Выполненный нами анализ мужских и женских стереотипов и стилевых различий невербального диалогического поведения, а также сведения, почерпнутые из специальной литературы, позволяют указать на некоторые важные невербальные коммуникативные стереотипы и разновидности невербальных гендерных различий (за ограниченностью пространства и времени я буду приводить примеры только из трех областей невербальной семиотики – паралингвистики, кинесики и гаптики (науки о касаниях и тактильной коммуникации)².

Параязыковое поведение

1. У мужчин, как правило, более низкий тембр голоса, чем у женщин; у стариков в норме голос тише, чем у молодых, а речь более медленная. Детские голоса, как правило, более высокие, чистые и мелодичные, то есть более звонкие, чем голоса взрослых; кроме того, у детей в норме высокая скорость речи.
2. У людей, находящихся в состоянии явно выраженной депрессии, интонация однообразная, а речь монотонная; у человека в состоянии крайнего волнения – причем у женщин это проявляется в большей мере, чем у мужчин, – под влиянием эмоционального воздействия голос в разговоре *дрожит*, часто становится громче обычного, доходит до крика и, как говорят по-русски, *срывается* или *рвется*. Кроме того, по данным работы Ньюман, Мавер 1938, речь людей в состоянии депрессии отличается от обычной своими резонансными характеристиками и пониженным темпом.
3. В языковой картине мира мужчины говорят низкими голосами, а женщины – высокими. *Бас* как обозначение очень низкого речевого голоса присущ мужчинам, и лишь occasionally – для указания на подобие женского голоса мужскому – может приписываться в речевом контексте женщинам: *Она произнесла эти слова дрогнувшим голосом, а затем низким голосом, почти басом спросила: "Ты в Москве?"* (В. Попов). Такой вид голоса, как

² Другие примеры и некоторые из тех, что приводятся ниже, но более детально прокомментированные, можно найти в книге Крейдлин 2002б.

грудной, свойствен женщинам, но не мужчинам, а, например, *бабий* голос (как и *отеческий тон*) – только мужчинам.

4. Изменения в возрасте параллельны изменениям голоса, причем у мужчин и женщин эти изменения выражаются по-разному, ср. *Я вдруг ясно почувствовал, что голос его изменился, превратился в старческий* (В. Набоков). В этом предложении прилагательное *старческий* описывает возрастные изменения и выступает в прямом, а не в сопоставительно-сравнительном значении 'как у старого человека'. Интересно, что слово *старушечий* в аналогичных ситуациях еще указывает и на пол говорящего, в то время как пол человека, произносящего фразы старческим голосом, определяется только по контексту.

Жестовое поведение

1. Гендерные различия в употреблении собственно жестов особенно заметны. В случае умственного затруднения или недоумения мужчины разных географических и культурных регионов потирают рукой подбородок или чуть тянут вниз мочки ушей, трут лоб, щеки или тыльную сторону шеи. Находящиеся в тех же самых интеллектуальных и психологических состояниях женщины пользуются совсем другими жестами. Например, они, "несколько приоткрыв рот, прикладывают указательный палец к нижним передним зубам либо приставляют его к подбородку" (Монтегю 1971, с. 208). Китайские мужчины, приветствуя другого на расстоянии, машут обычно вытянутой рукой, что китайским женщинам не свойственно: выполняя то же движение, они держат руку близко к телу (Стефенсон и др. 1993, с. 237 – 238).

2. Существуют, так сказать, мужские позы, мужские жесты рук и мужская походка. Мужскими являются такие русские позы и жесты, как **сидеть, развалясь в кресле; стоять, широко раздвинув ноги; чесать в затылке; потирать руки; стукнуть кулаком по столу**, различные обценные жесты. Примерами мужских жестов служат также обращенный к мужчине иконический знак, изображающий контур женской фигуры, и кинема **погладить бороду** или – для тех мужчин, у которых нет бороды, – **потирать челюсть (подбородок)**. См. – *А теперь что, босс? – спросила она. – Я думаю об этом, – сказал я и потер челюсть, дабы доказать это* (Г. Гаррисон. *Крыса из нержавеющей стали*). Жесты воинов, наказаний, невербальные жесты-инвективы, обценные жесты агрессивны и чаще мужские. Женский стиль кинетического поведения тоже отражается в особых позах, походке и жестах, таких как **поправить волосы; чуть наклонить голову; сидеть, сомкнув колени; ходить, покачивая бедрами**. Э. Монтегю в связи с половыми различиями в жестовом поведении пишет: "<...> возможно, самый известный в западной культуре мужской жест – это почесывание в затылке. Женщины так себя обычно не ведут" (Монтегю 1971, с. 207).

3. Несовпадения мужских и женских телодвижений и поз особенно заметны в углах наклона корпуса тела и в положении таза, что проявляется, главным образом, в походке и позах (см. подробный обзор работ, описывающих особенности телодвижений и поз женщин и мужчин, в статье Вругт, Керкстра 1984). Впрочем, следует сказать, что эти работы, как и многие другие невербальные исследования, не носят компаративный характер и не учитывают возможные межкультурные различия в невербальном гендерном поведении людей. Так, утверждается, в частности, что мужчины в сидячей позе чаще, чем женщины, отклоняются назад (Клейн 1984), что, например, для русских мужчин, по моим наблюдениям, не очень характерно).

4. Наиболее выражены различия по полу в тех ситуациях общения мужчин и женщин, в которых особое значение имеют социальные и интерактивные кинетические переменные, такие как статус, роль, мотивация, психотип личности, нормативные ожидания, установки, предпочтения и др. Положение женщины в обществе, существующие стереотипные представления, касающиеся ее невербального поведения, стремление избежать санкций за девиантное жестовое поведение (за не "ту позу", "неприличные жесты", "вызывающие взгляды" и т.п.), а отсюда нередко заметная скованность и несвобода в движениях, – все эти факторы очень сложным образом взаимодействуют со значениями указанных переменных. Так, невербальное поведение в диалоге с мужчиной женщины-"начальницы", вообще говоря, иное, чем женщины-"подчиненной", а невербальные стратегия и тактика "просительницы", стремящейся во что бы то ни стало достичь поставленной цели, например уговорить мужчину-врача положить ее старенькую маму в больницу (сильная мотивация), совсем другие, чем "просительницы", протезирующей постороннему человеку (слабая мотивация).

***

До сих пор я говорил о гендерных универсальных стереотипах, а коммуникативные гендерные расхождения иллюстрировал на примере русских жестов. Еще заметнее эти различия в других, более ритуализованных, культурах, например в ливанской.

У ливанцев мужчину посетитель, еще не войдя в дом, получает особое невербальное сообщение, если в доме имеется инфекционный больной. Для этого, как утверждает этнограф А.Е. Крымский ("Из писем Ю.Н. Марру", 1936), достаточно было взглянуть на всегда выходящую к дому соседку. Она подбородком кивала на дом и,

приложивши кулак к носу, нюхала его со стороны ладони. Это у женщин значило, что в доме, куда человек хочет зайти, находится заразный больной. Мужчина такого знака никогда не делал. Зато ливанским мужчинам был свойственен такой коммуникативный жест – движение ноги, имитирующее скидывание туфли или пинок. Здесь соблазнительно провести аналогию с семитским обычаем снятия сандалий в знак отказа от своих прав и передач их другому, однако по утверждению этнографа М.А. Родионова и в XIX веке у мужчин-бедуинов Аравии при разводе или отказе на брак с дочерью дяди по отцу применялась словесная формула "Она была моей сандалией, я сбросил ее".

Еще один мужской коммуникативный жест у ливанских крестьян и бедуинов – это скидывание головного убора наземь, означающий большое горе и готовность пойти на любые крайние меры в исполнении угрозы. Данный жест восходит к древнеарабскому магическому обряду обнажения волос, к которому прибегали при угрозе или проклятии, при обряде "вызов дождя" (*истиска*), во время траура, унижения или как к знаку аскезы. Мужским жестом у ливанцев является также жест с такой формой реализации: рука идет от уровня глаз вниз, символизируя поглаживание бороды; дойдя до подбородка, пальцы смыкаются. Жест означает восхищение и обычно сопровождается рассказом о привлекательной женщине или является невербальной реакцией на ее появление.

А вот еще пример, но уже не из ливанской культуры. Мужской обценный жест в Греции – это **moutza**, англ. **hand push**, выдвигание вперед открытой в сторону адресата ладони, подобно русскому жесту "стоп". Этот жест восходит к античности, когда грязь и фекалии бросали в лицо военнопленным в знак оскорбления. А в Западной Африке тот же мужской жест означает "Ты мог бы иметь любого из пяти отцов" и тоже оскорбительный ('ты блюдонок').

Позы

1. Мужчины и женщины часто маркируют позами свое отношение к партнеру по диалогу. Поза женщины имеет четко выраженную фронтальную ориентацию по отношению к человеку, который ей приятен, и боковую ориентацию (то есть угол между плечами партнеров близок к прямому) к человеку, который ей очевидным образом не нравится, а мужчины в беседах с мужчинами, которые им безразличны или по какой-то причине неприятны, часто несколько наклоняют туловище в сторону. А. Мехрабиан полагает, что данное телодвижение семиотически значимо и означает 'напряженность отношений' (Мехрабиан 1968). По моим собственным наблюдениям, когда в России и в Западной Европе женщина беседует с рядом стоящим мужчиной, который вызывает у нее интерес, руки ее открыты и чуть отодвинуты от тела, при этом она, как правило, *приветливо улыбается*. Напротив, если собеседник-мужчина ей не нравится, то руки прижимаются к телу, улыбки на лице нет вообще или, как говорят, улыбка *вымученная* или *кривая*. Поза, которую женщина принимает в разговоре с таким мужчиной, носит явно выраженный закрытый характер, или, говоря на языке психологов, "обращена вовнутрь".

2. **Открытая поза** сидящей женщины (женщина сидит, локти далеко от тела, ноги вытянуты, колени разведены и пр.) противопоставлена **закрытой** (женщина сидит, локти близко от тела или почти прижаты к нему, руки скрещены, колени прижаты друг к другу). В Европе и Северной Америке подобная открытая поза оценивается как нейтральная или даже положительная. Считается, что данный человек открыт и доступен для общения; о нем говорят, используя для его характеристики такие выражения, как *открытый характер*, *открытый человек*. В Японии, однако, та же поза признается нехорошей и аморальной.

3. В работе Мехрабиан 1969 утверждается, что такую позу, как **стоять руки в боки**, в Северной Америке чаще принимают при встрече люди, относящиеся к другому с неприязнью. Кроме того, в англосаксонской культуре эта поза свойственна человеку, встречающемуся с другим человеком гораздо более низкого социального статуса. В Испании поза **стоять руки в боки** характерна для молодых людей вообще и присуща больше людям из маленьких городов. В особенности любят принимать ее женщины среднего и старшего возраста, а также подростки и молодые люди мужского пола, тогда как молодым девушкам более привычно стоять со скрещенными руками. Кроме того, как отмечает А. Мехрабиан, эта поза присуща также молодым испанцам во время представления при знакомстве. В русской культуре люди, имеющие более высокий статус, в разговоре с людьми более низкого статуса иногда, как мы говорили, принимают так называемые "расслабленные позы", каковые с этической точки зрения следует оценить отрицательно и каковых в испанской культуре нет.

Касания

1. В европейской культуре привилегией проявления инициативы в актах ухаживания обладает мужчина. Он первым берет женщину под руку или за руку, обнимает за талию, кладет руку ей на плечо, а когда отношения становятся более интимными, первым целует и переходит к более интимным касаниям и ласкам. Видимо, тот факт, что мужчины чаще, чем женщины, выступают в роли инициатора касаний, объясняется их большей от природы сексуальной активностью. В ухаживании мужчина обычно последовательно решает две задачи, а потому можно выделить две крупные стадии ухаживания (каждая из которых далее членится на более мелкие фазы) – привлечь

сексуальное внимание женщины и преодолеть ее страх перед более близким контактом. Вторая стадии ухаживания в гораздо большей степени, чем первая, является рискованной (более высока вероятность провала), поскольку, она, если можно так выразить, тактильно насыщена.

2. Каждая культура, видимо, выработала свою знаковую систему ухаживаний в отношении противоположного пола. Еще в 1978 году Дживенс выделил пять фаз невербального поведения в ухаживаниях незнакомых взрослых людей Запада: (а) обращение на себя внимания; (б) приветствие/знакомство; (в) общение; (г) сексуальное возбуждение и усиленное желание; (д) намерение. Позже ухаживание в ряде работ было определено как ритуал, который сочетает в себе невербальные и вербальные акты, состоящее из нескольких фаз, в частности подхода, разговора, первого касания, синхронизации движений и жестов. Поведение женщины, прежде всего мимическое, действует при этом как регулятор, стимулирующий поведение партнера и управляющий им, – более чем в 70 % случаев стимулом для начала ухаживания было невербальное поведение женщины по отношению к мужчине. Механизм завязывания отношений с представителями противоположного пола именуется флиртом, и начало его, как правило, невербальное. Это взгляды, надутые губы, исправление прически, улыбки, смех, поглаживание ладонью какого-то предмета или о другую ладонь, кокетливые повороты головы, касания как бы невзначай, затем это проявление нежности в речи и поведении, игровое подшучивание и передразнивание.

В европейской культуре привилегией проявления инициативы в актах ухаживания обладает мужчина. Он первым берет женщину под руку или за руку, обнимает за талию, кладет руку ей на плечо, а когда отношения становятся более интимными, первым целует и переходит к более интимным касаниям и ласкам. Видимо, тот факт, что мужчины чаще, чем женщины, в разнополюх коммуникативных актах выступают в роли инициатора касаний, объясняется их большей от природы сексуальной активностью. В ухаживании мужчина обычно последовательно решает две задачи и потому можно выделить две стадии ухаживания (каждая из которых далее членится на более мелкие фазы) – это привлечь сексуального партнера и преодолеть его страх перед более близким контактом. Вторая стадии в гораздо большей степени, чем первая, является рискованной (более высока вероятность провала), поскольку, она, если можно так выразить, тактильно насыщена.

3. Существуют невербальные знаки **отталкивания** другого, то есть жесты, обозначающие неприятие ухаживания, в особенности мужского. В США был проведен любопытный эксперимент-наблюдение, участниками которого стали 200 женщин-добровольцев в возрасте от 18 до 35 лет. Биографические данные из-за анонимности наблюдений не известны. Все участницы были англосаксами, то есть белыми; в основном это были студентки колледжа из городка Midwestern. Они сидели в барах, где собирались в основном люди, приходящие туда одни, и где по вечерам обычно было многолюдно. За женщинами наблюдали только в том, случае если ее окружало по меньшей мере 25 человек, чаще их было даже намного больше (40-50 и более). Два обученных наблюдателя смотрели за поведением испытуемой примерно в течение получаса, располагаясь за столиками как можно дальше от объекта наблюдения и ведя скрытую магнитофонную запись поведения женщины. Невербальное отталкивающее поведение определялось как движение всего корпуса или частей тела, которое интерпретировалось как полное безразличие женщины к мужчине, причем оно всегда фиксировалось уже в первые 15-20 секунд. Если отсутствие заинтересованности у мужчин выражалось в их уходе, прекращении беседы, стремлении избежать женских взглядов, то женщины тот же смысл выражали зевотой или хмурили брови, ухмылялись, отрицательно качали головой, принимали напряженные позы. Иногда женщина начинала пристально смотреть на мужчину, чтобы тот отвел глаза. Жесты сводились к закрытию тела (скрещенные на груди руки, отворачивание от мужчины, поворот и обращение тела в сторону других). Если мужчина, после того как женщина от него отвернулась, не встречался с ней взглядом, он мог оставаться за столом, пока она не воспроизведет в его адрес другие отталкивающие невербальные знаки. Поведение, когда она рассматривает кончики своих волос и играет с ними, блуждает глазами по комнате или устремляет глаза вверх к потолку, недружелюбно смотрит на мужчину, ковыряет в зубах зубочисткой или зевает, оценивалось людьми как **холодное и неприветливое поведение**.

4. В работе Нгуйен и др. 1975 была предпринята попытка определить, на касания какого типа и значения реагируют мужчины и женщины (хотя стиль общения в явном виде в работе зафиксирован не был, из текста статьи ясно, что речь идет о неформальном дружеском общении). Когда незамужних и неженатых студентов попросили ответить на вопрос, как они относятся к тому, что представители противоположного пола применяют к ним такие жесты-касания, как **pat** 'похлопать', **stroke** 'погладить', **squeeze** 'прижать к себе' и **brush** '<слегка> коснуться, задеть', что они при этом испытывают и что по их мнению может означать использование этих жестов, ответы девушек и юношей были совершенно разными. Для девушек крайне важным было место касания – в большей степени, чем способ, – тогда как для юношей способ касания был существеннее, чем место. Далее, студентки выделяют такие смыслы, как 'любовь' и 'дружба', когда местом касания были руки, голова, лицо, плечи и верхняя часть спины. Девушки отрицательно отнеслись к касаниям груди и гениталий и четко отделили касания, обозначающие любовь и дружбу, от касаний, выражающих сексуальное желание. Для юношей, однако, 'приятное ощущение', 'любовь', 'теплота отношений' и 'сексуальное влечение' выражаются более или менее одинаково, одними и теми же касаниями, то есть девушки оказались намного более чувствительны к различиям в тактильных формах выражения указанных смыслов.

Литература

1. Барлоу и др. 1979 – Barlow, D.H., Hayes, S.C., Nelson, G.O., Steele, D.L., Meeler, M.E. & Mills, J.R. **Sex role motor behavior: A behavioral check list** // *Behavioral assessment*, 1, 1979, 119 – 138.
2. Вругт, Керкстра 1984 – Vrugt, A., Kerkstra, A. **Sex differences in nonverbal communication**. *Semiotica*, 50, № 1, 1984, 1 – 41.
3. Земская и др. 1990 – Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. **Особенности мужской и женской речи** // В: "Язык: Системы и подсистемы. К 70-летию М. В. Панова". М., 1990, 224 – 242.
4. Коста и др. 2001 – Costa, Terracciano, McCrae. **Gender differences in personality traits across cultures: Robust and surprising findings**. // *Journal of personality and social psychology*, 81, № 2, 2001, 322 – 331
5. Кибрик 2003 – Кибрик А.А. **Анализ дискурса в когнитивной перспективе** // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Институт языкознания РАН. М., 2003.
6. Клейн 1984 – Klein, Z. **Sitting postures in male and female**. *Semiotica*, 48, № 2, 1984, 119 – 131.
7. Крейдлин 2002а – Крейдлин Г.Е. **Невербальное поведение людей в деловом общении** // "Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии". Труды Международного семинара Диалог'2002 (Протвино, 6 – 11 июня 2002). В двух томах (ред. А.С. Нариньяни). Т.1. Теоретические проблемы. М., 2002, 227 – 240.
8. Крейдлин 2002б – Крейдлин Г.Е. **Невербальная семиотика**. М., 2002.
9. Мехрабиан 1968 – Mehrabian, A. **Relationship of attitude to seated posture, orientation, and distance** // *Journal of personality and social psychology*, 10, № 1, 1968, 26 – 30.
10. Мехрабиан 1969б – Mehrabian A. **Significance of posture and and position in the communication of attitude and status relationships**. *Psychological Bulletin*, 71, 1969, 359 – 372.
11. Монтегю 1971 – Montagu, A. **Touching: The human significance of skin**. New York, 1971.
12. Нгуйен и др. 1975 – Nguyen, T., Heslin, R. & Nguyen, M. **The meanings of touch: Sex differences**. *Journal of communication*, 25, 1975, 92 – 103.
13. Ньюман, Мавер 1938 – Newman, S.S., Mather, V.G. **Analyses of spoken language of patients with affective disorders** // *American journal of psychiatry*, 94, 1938, 913 – 942.
14. Перкинс 1986 – Perkins, R.E. **The checklist of sex role motor behavior applied to European population in a natural setting** // *Behavioral assessment*, 8, 1986, 285 – 300.
15. Стефенсон и др. 1993 – Stephenson, J., Pine, N., Zhang Liwei, & Xie Jian. **Some gestures commonly used in Nanjing, PRC**. *Semiotica*, 95, № 3/4, 1993, 235 – 259.
16. Уильямс и Бест 1990а – Williams, J.L., Best, D.L. **Measuring sex stereotypes: A multinational study**. Newbury Park. CA, 1990.
17. Уильямс и Бест 1990б – Williams, J.L., Best, D.L. **Sex and psyche: Gender and self viewed cross-culturally**. Newbury Park. CA, 1990.
18. Холл 1979 – Hall, J.A. **Gender effects in decoding nonverbal cues** // *Psychological Bulletin*, 85, 1979, 845 – 857.
19. Холл, Халберштадт 1980 – Hall, J.A., Halberstadt, A.G. **Sex roles and nonverbal communication skills** // *Sex Roles*, 7, №3, 1980, 273 – 287.